

DOI 10.24412/2686-7702-2024-3-18-30

Китай – Глобальный Юг: актуальная эволюция отношений

Сафронова Елена Ильинична¹

¹ Институт Китая и современной Азии РАН

Аннотация. Мировые события последних лет свидетельствуют о наступлении очереди развивающегося мира выйти на первые роли в международных отношениях (МО). Китай, позиционирующий себя как «крупнейшую развивающуюся страну», «члена Глобального Юга», но при этом «ответственную мировую державу», не может оставаться от этой тенденции в стороне.

В статье констатируются причины недавнего выдвигания развивающегося мира (PM) на авансцену международной жизни, в число которых входит совокупный экономический рост Юга, повышение его политического значения в расстановке сил на мировой арене, рост самооценки Юга, позиция которого, будучи созвучной интересам Востока, вносит вклад в утрату Западом способности диктовать условия мировому большинству, и др.

Помимо этого, автор считает важным определиться с трактовкой терминов «Глобальный Юг», «третий мир», «развивающийся мир», чтобы приблизиться к лучшему пониманию сути великого мирового феномена, который эти дефиниции обозначают. Указанные термины не только отражают реалии времён, их рождающих, но и претерпевают внутренний «апгрейд», становясь не просто «вывеской», но и характеристикой обозначаемого ими явления.

Основная нагрузка статьи падает на рассмотрение китайского фактора в эволюции Глобального Юга. Он характеризуется через призму вопроса о том, почему значение Юга для Китая растёт и как Пекин старается обеспечить отношения с «южными» странами дополнительной качественной опорой.

Также в статье предпринимается попытка выявить новые вызовы, встающие перед Китаем в процессах его дальнейшего «укоренения» в развивающемся мире.

Статья завершается рядом выводов, среди которых – авторское мнение о том, происходит ли переформатирование отношений КНР и Глобального Юга как реакция на повышение его мирового веса или же они «просто» проходят этап своевременной оптимизации.

Ключевые слова: Китай, Глобальный Юг, Россия, развивающийся мир, Север/Запад, Инициатива «Пояс и путь» (ИПП), Инициатива глобального развития, ООН.

Автор: Сафронова Елена Ильинична, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра «Россия, Китай, мир», Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-4256-2381. E-mail: safronova@iccaras.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект № FMSF-2021-0009 «Современная внешняя политика КНР и взаимодействие РФ и КНР в межгосударственной, экономической, других

практических областях и во внешнеполитической сфере, в том числе в многосторонних форматах (РИК, БРИКС)»).

Для цитирования: Сафронова Е.И. Китай – Глобальный Юг: актуальная эволюция отношений // Восточная Азия: факты и аналитика. 2024. № 3. С. 18–30. DOI 10.24412/2686-7702-2024-3-18-30

China – Global South: the current evolution of relations

Safronova Elena I.¹

¹ Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

Abstract. Global events of recent years indicate that it is the turn of the Developing World to take the lead in international relations. China, which positions itself as the «largest developing country», a «member of the Global South», but at the same time a «responsible world power», cannot stay away from this trend.

The article examines the reasons for the recent rise of the Developing World to the forefront of international life, which include: the cumulative economic growth of the South, the increase in its political importance in the balance of power on the world stage, the growth of self-esteem of the South, whose stance, being consonant with the interests of the East, contributes to the loss of the West's ability in dictating conditions to the world majority, etc.

In addition, the author considers important to determine the semantic content of the terms «Global South», «third world», «developing world» for a better understanding of the essence of the great global phenomenon that these definitions have denoted at different times. It seems that these definitions not only reflect the realities of the times that gave birth to them, but also undergo internal upgrade, becoming not just a «signboard», but also a characteristic of the phenomenon they designate.

The main burden of the article falls on the analysis of the Chinese factor in the modern evolution of the Global South. It is characterized through the prism of why the importance of the South for China is growing and how Beijing is trying to provide relations with «southern» countries with additional qualitative support. The article also attempts to identify new challenges facing China in the processes of its further «rooting» in the Developing World.

The article ends with a number of conclusions, among which is the author's opinion on whether the reformatting of relations between China and the Global South is taking place as a reaction to an increase in its global weight, or whether they are «simply» undergoing a stage of timely optimization.

Keywords: China, Global South, Russia, Developing World, North/West, Belt and Road Initiative (BRI), Global Development Initiative, UN.

Author: Safronova Elena I., PhD (Economics), Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-4256-2381. E-mail: safronova@iccaras.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. The research was carried out within the state assignment of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project No. FMSF-2021-0009 “The modern foreign policy of the People's Republic of China and the interaction of the Russian Federation and the People's Republic of China in interstate, economic, other practical areas and in the foreign policy sphere, including in multilateral formats (RIC, BRICS)”).

For citation: Safronova E.I. (2024). Kitay – Global'nyy Yug: aktual'naya evolyutsiya otnosheniy [China – Global South: the current evolution of relations]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 3: 18–30. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2024-3-18-30

Постановка вопроса. КНР демонстрирует высокую заинтересованность в сотрудничестве с Глобальным Югом, когда-то называемым «третьим миром» и позже вызревшим в «развивающийся мир» (РМ), ещё со времени своего провозглашения в 1949 г. Экономическое развитие Китая происходит при широком использовании ресурсного потенциала той части Земли, которая ныне предпочтительно именуется Глобальным Югом. И политическая поддержка «друзей из развивающегося мира» ещё со времён восстановления прав КНР в ООН¹ продолжает вносить вклад в облагораживание международного имиджа страны и в упрочение её мировых позиций.

Положение Китая как второй экономики мира не препятствует ему называть себя государством Глобального Юга². Самоидентификация КНР в качестве развивающейся страны и умелая риторика по этому поводу позволили ей установить особую тональность в отношениях с «южными» государствами.

Основной упор в пропаганде, направленной на развивающийся мир, делается на констатации общности задач, стоящих перед Китаем и другими незападными странами. Ключевой из них предстаёт продвижение нового многополярного, справедливого миропорядка, а также достижение суверенности модели развития вне рамок, установленных Западом. При контактах высших руководителей стран Юга и Китая стороны, как правило, подчёркивают общность позиций по неприятию «гегемонизма и западного центризма», отмечая свою приверженность многополярности и демократизации международных отношений (см. [Chen Peijie]).

Заметим, что для развивающегося мира Китай – объективный пример эффективного роста, достигнутого за исторически короткий срок – с начала его экономических реформ (конец 1970-х гг.). И китайский кейс наводит на мысль, что, дабы динамично развиваться, Югу просто надо знать, с чего начинать. А именно: ему необходимо найти такую модель социально-экономического развития (МСЭР), которая не только бы гипотетически отвечала его стремлению к лучшей жизни, но и исходила из его конкретных внутренних и международных реалий. Ведь в эшелон стран с формирующейся экономикой (ранее называемых новыми индустриальными странами) вырываются именно те государства, которые обрели адекватную своим условиям «работающую» МСЭР, а также действенные политические и экономические рычаги³ управления национальным хозяйством [Сафронова 2005: 211].

¹ По словам Мао Цзэдуна, «африканские друзья привели Китай в ООН» в 1971 г. См: *Contemporary International Relations*, 2000, 11: 2.

² См., например: *Си Цзиньпин*. Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплочённо бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства. Доклад на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая 16 октября 2022 года. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202210/t20221026_10792071.html (дата обращения: 02.05.2024).

³ К числу этих рычагов следует отнести установление правового и налогового режимов, благоприятствующих внутреннему накоплению и привлечению зарубежного капитала, меры по защите иностранных капиталовложений и по жёсткому контролю над использованием целевых средств, проведение рациональной финансово-экономической и бюджетной политики, структурных реформ, укрепление государственных институтов и т.д.

К вопросу о толковании терминов

Начнём с того, что мир представляет собой вечную «мозаику» уровней жизни. Такая мозаичность иллюстрируется расхождениями в социально-экономическом развитии двух основных «полюсов» – «золотого миллиарда» («развитого мира», Глобального Севера) и «третьего мира», «развивающегося мира», «Глобального Юга». Эти расхождения проявляются не только в экономическом разрыве между двумя «полюсами», но и в уровне политической стабильности, наличии традиционных и нетрадиционных угроз, возможностей доступа к современным технологиям, работе, образованию, медобслуживанию и проч.

Термин «третий мир» в китайской трактовке появился в конце 1960-х гг. и до начала 1970-х гг. обозначал группу «бедных и развивающихся государств», которая ведёт нарастающую борьбу с двумя «сверхдержавами», что, по мнению тогдашнего премьера КНР Чжоу Эньлая, и являлось основной чертой международной политики⁴. Предвестником китайской версии концепта «третий мир» послужила теория «народной войны», изложенная осенью 1965 г. в статье Линь Бяо «Да здравствует победа народной войны!»⁵. В статье международное положение характеризовалось как «окружение мирового города» (империалистических государств, к числу которых уже был отнесён и СССР) «мировой деревней» (менее развитыми, в прошлом колониальными странами). Статья содержала призывы к «мировой деревне» объединиться против «мирового города» и путём «народной войны» довести «мировую революцию» до победы (приводится по [Сафронова 1994: 96, 97]).

В своей речи на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН 10 апреля 1974 г. Дэн Сяопин уточнил расстановку сил, отметив, что «США и Советский Союз составляют первый мир. Развивающиеся страны в Азии, Африке, Латинской Америке и в других регионах составляют третий мир. Развитые страны, находящиеся между ними – второй мир»⁶.

Тогда практическое и исследовательское осознание реалий «третьего мира» происходило в условиях крайней идеологизированности международных отношений, потому «третий мир» и стал обозначением группы стран не только экономически менее развитых, но и противостоящих мировым «гегемонам».

Позже, в 1980-гг., когда накал мировой идеологической борьбы несколько снизился, «третий мир» получил обозначение «развивающийся», в котором акцент делался на стремлении к экономическому росту, а не на политической борьбе.

Ныне в научной литературе и СМИ термин «развивающийся мир», по нашим наблюдениям, вытесняется определением «Глобальный Юг». Видимо, это происходит потому, что понятие «развивающийся мир» носит стойкую «материальную» окраску, обозначая совокупность менее успешных субъектов международных экономических отношений. Сейчас опять актуализируется факт именно политических несогласий в дихотомичной структуре МО, связанных с неравенством и маргинализацией «южных» стран относительно «северных». Первостепенное значение обретает идея о единении развивающихся стран на основе энергичного неприятия западного диктата и их коллективной борьбы за реальное участие в глобальных процессах принятия решений [Carvalho]. Таким образом, развивающийся мир преобразуется в Глобальный Юг – субъект

⁴ Отчётный доклад. X Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая (документы). Пекин, 1973.

⁵ Хунци. 1965. № 10; Жэньминь жибао. 03.09.1965.

⁶ Жэньминь жибао. 11.04.1974.

МО, наращивающий стратегические «мускулы», которых не было ни у развивающихся стран, ни у «третьего мира».

Однако автор считает допустимым использование термина «развивающийся мир» там, где это логически и стилистически целесообразно. В китайской политологии понятия «Глобальный Юг» и «развивающийся мир» сосуществуют, будучи равными по значимости и широте употребления.

Примечательно, что в китайской научной среде замечен двойственный подход к термину «Глобальный Юг». В политическом смысле китайские учёные считают его полезным инструментом, но в экономическом полагают, что было бы точнее классифицировать страны по принципу величины их доходов (страны, обладающие или высокими, или средними, или низкими доходами)⁷. Думается, что такое экономически детерминированное ранжирование входит в противоречие с позицией китайской официальной дипломатии, которая делает акцент на геополитических взглядах государств Юга.

Термин «Глобальный Юг» и сам не безупречен: он спорен из-за неопределённости его географических границ (например, развивающиеся страны Центральной Азии находятся заметно севернее развитой Японии). Неравномерность политико-экономической динамики включаемых в Глобальный Юг государств ставит под сомнение его трактовку как единого целого. Однако, на наш взгляд, признак его целостности надо искать расширительно: к Глобальному Югу стоит относить страны не столько по уровню их «развитости», сколько по степени их готовности к строительству нового мирового порядка, отрицающего международный режим, основанный на западных «правилах».

Рост значения «Глобального Юга» в современном мире и Китай

Понятно, что судьбы глобальных Севера и Юга всегда были неразрывно связаны согласно закону диалектики о единстве и борьбе противоположностей, а в китайской его трактовке – конструкции инь-ян. Однако в последние годы такие ранее невиданные явления, как миграционный и климатический кризис, разрастание «горячих точек» в РМ и наконец пандемия COVID-19 привели к тому, что последствия политических решений, принятых Севером практически единолично, оказали непропорционально сильное влияние на Глобальный Юг. Это само по себе привело к смещению фокуса мирового внимания в сторону обострившихся проблем Юга.

Мощным триггером выдвижения Глобального Юга на передние мировые позиции стало нежелание большинства его членов поддерживать антироссийские санкции, действия Запада и НАТО на Украине, а также политику «сдерживания Китая». И это послужило неожиданным и тревожным сигналом для Севера/Запада, озаботившегося перспективами своего международного положения.

Редкое для РМ неподчинение Северу оказалось результативным: оно подняло Юг на более высокие ступени глобальной иерархии, где международный «игрок» намеревается влиять на расстановку мировых сил, а не пассивно реагировать на её изменения.

⁷ Приводится по: Nye, Joseph S. Jr. What Is the Global South? *Project Syndicate*, Nov 1, 2023. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/global-south-is-a-misleading-term-by-joseph-s-nye-2023-11> (accessed: May 3, 2024).

В таких условиях Север/Запад поспешил обновить парадигму общения с Югом. Так, в феврале 2023 г. прошла Мюнхенская конференция по безопасности, на которой Запад попытался склонить Африку и Латинскую Америку ужесточить их курс в отношении России. Но конференция показала, что Юг, будучи обеспокоенным собственными экономическими проблемами⁸, расценивает украинский кризис как продукт западных двойных стандартов. Так, на Глобальном Форуме мира, состоявшемся в Пекине 1–3 июля 2023 г., африканские лидеры обвинили американцев и европейцев в двурушничестве за то, что те, выказывая глубокую озабоченность положением на Украине, игнорируют страдания, вызванные войнами, голодом и другими бедствиями в развивающихся странах. Они обвинили Запад/Север в затягивании украинского конфликта, который приводит к резкому росту мировых цен на энергоносители и продукты питания. Досталось Западу и за «гегемонистское высокомерие» и «цивилизационное превосходство», поскольку он осмеливается самовольно вводить санкции в отношении России и других международных акторов, не разделяющих либерально-демократические воззрения. Китайские эксперты расценили этот демарш развивающихся государств как «удар по центральной роли Запада в мировом порядке»⁹.

Север/Запад совершает и другие дипломатические и поведенческие ошибки. Так, правительства многих «южных» стран с раздражением восприняли разделение мира на «хорошие» демократии и «плохие» автократии, предложенное США в декабре 2021 г. на виртуальном «Саммите за демократию». По мнению экспертов, Китаю удалось убедить развивающиеся страны в том, что американский идеологизированный (а точнее, манихейский – *Е.С.*) нарратив не стоит сопутствующих ему материальных посулов [Fasulo, Morselli]. Возможно, G7, Вашингтон и Брюссель и хотели бы видеть основным противоречием современности конфликт демократии и автократии, однако позиция Юга не позволила им сделать эту тезу руководящей установкой.

Север/Запад собственной недалёковидностью способствует закреплению Китая в Глобальном Юге. Так, в 2021 г. Китай инвестировал в Латинскую Америку больше, чем в США, и примерно столько же, сколько в Европу. Международные эксперты полагают, что это произошло из-за того, что США и Европа сами закрываются для китайских капиталовложений, опасаясь роста китайского влияния на своём экономическом поле. А поскольку в Китае «очень высокий уровень сбережений», в ближайшие годы рост его инвестиций в Глобальный Юг может возобновиться [Heine].

Глобальный Юг повышает «самооценку». Если раньше он видел предпосылку для более справедливого миропорядка в расширении сотрудничества по двум линиям – и «Юг-Юг», и «Север-Юг», то сейчас он склонен усматривать её в собственных политико-экономических успехах. И это объяснимо: страны Юга обеспечивают более 70 % роста мировой экономики¹⁰, в основном благодаря китайскому потенциалу. Можно сказать, что именно Китай, а также Индия сделали усиление Юга реальным явлением. Две страны удвоили объём производства на душу населения менее чем за 20 лет. Если в 1950 г. доля

⁸ *Российская газета*, 20.02.2023.

⁹ Приводится по: China's message to the global south. <https://www.economist.com/china/2023/07/06/chinas-message-to-the-global-south> (accessed: May 3, 2024).

¹⁰ Пресс-конференция Министра иностранных дел КНР, посвящённая внешней политике Китая и международным отношениям. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202303/t20230308_11037323.html (дата обращения: 30.05.2024).

Китая, Индии и Бразилии составляла лишь 10 % мирового производства, в то время как доля промышленных лидеров «Севера» превышала половину¹¹, то ныне на Юг приходится порядка 50 % мирового ВВП и около половины совокупного объёма международной торговли [Яковлев: 6–27]. В 1970–1980-х гг. доля Юга в мировых торговых потоках не превышала 20 %, а сейчас она определяется в рамках от 40 до 50 % [Olander].

Однако «возвышение» Юга – процесс тернистый, ибо Север всё чаще прибегает к силовому решению своих международных задач. Многие страны, не согласные с засильем «Вашингтонского консенсуса», подвергаются атакам на различных «фронтах» гибридной войны. Они становятся объектом цветных революций, попыток смены режима, незаконных санкций, экономической блокады, диверсий НАТО или прямых бомбардировок и вторжений [Escobar]. По словам Д. Руссеффэкс – президента Бразилии, а ныне – президента Нового банка развития стран БРИКС, если кто-то не принимает навязанную [Западом] систему ценностей, то он будет соответствующим образом наказан, столкнувшись с военным вмешательством, государственными переворотами или санкциями¹².

Поиск «оборонного» единства стимулирует активность Юга в международных структурах. В ответ на вероятность силового давления Севера на непокорный Юг, развивающиеся страны настраиваются на участие в новых интернациональных форматах, особенно в тех, где сильно представительство Китая, – в БРИКС, БРИКС+, ШОС, ВРЭП и др. И так РМ участвует в развитии многосторонности – предвестника многополярности.

Кроме того, Юг, получивший во времена холодной войны опыт существования в условиях борьбы двух общественно-политических систем, ныне проявляет бóльшую изобретательность в лавировании между глобальными оппонентами. Так, в случаях, когда Китай видится ему предпочтительным партнёром, а конфликт с Севером всё же нежелателен, Юг вспоминает о единстве позиций КНР и ООН по целому спектру проблематики «Север-Юг» и «Юг-Юг».

Неприятие политики Севера под лозунгами ООН не так рискованно, как резкая артикуляция собственных требований. Например, ООН, как и КНР, называет неблагоприятной для РМ финансовую политику США, а Программа развития ООН прямо признаёт необходимость обновления директивных принципов международных организаций в сторону более справедливого представительства Юга в «Бреттон-Вудских учреждениях», в самой ООН и других международных органах¹³.

Можно сказать, что в новых условиях «южные» страны быстро учатся и охотно практикуют многовекторность внешней политики, не упуская возможность использовать конкуренцию великих держав в собственных интересах.

¹¹ Мнение проф. М. Давтяна. Приводится по: *Caïm For Thee*. URL: http://for-thee.ucoz.com/publ/ehkonomika/kogda_jug_obgonit_sever/2-1-0-3 (дата обращения: 30.05.2024).

¹² China's message to the global south. *The Economist*, Jul 6, 2023. URL: <https://www.economist.com/china/2023/07/06/chinas-message-to-the-global-south> (accessed: May 3, 2024).

¹³ ПРООН. Доклад о человеческом развитии 2013. Возвышение Юга: человеческий прогресс в многообразном мире. Разд. «Резюме». Москва: Весь мир, 2013. С. 14.

Китайский фактор в Глобальном Юге и новые вызовы для Пекина

Глобальный Юг, несмотря на экономические успехи, остаётся «колыбелью» и/или катализатором практически всех современных мировых проблем¹⁴. Однако в первую очередь Китай интересуется его свойство растущего глобального «игрока». Страны Юга, хотя бы в силу их многочисленности, имеют количественный потенциал в деле формирования нового мирового порядка, а последний, как известно, не мыслится Пекином без роста глобального значения КНР.

Перед лицом текущих реалий Китай должен решить задачу придания своей кооперации с Югом нового качественного наполнения. Так, КНР расширяет базу её идейного верховенства в мире в лице концепции «Сообщество единой судьбы человечества» (2013 г.), а в последние годы – «Инициативы глобального развития» (сентябрь 2021 г.), «Инициативы глобальной безопасности» (апрель 2022 г.) и «Инициативы глобальной цивилизации» (март 2023 г.)¹⁵.

Очевидно, что для Юга из трёх последних начинаний первостепенное значение имеет «Инициатива глобального развития» (ИГР). Её задача – представить Китай как производителя общемировых общественных благ, оптимальных знаний и ресурсов, необходимых для решения проблем развития. Теперь Глобальный Юг является главным адресатом этой Инициативы не только как относительно податливый объект стратегических планов Китая, но и как полезная растущая сила.

Если Инициатива «Пояс и путь» (ИПП) представляет собой экономический механизм «укоренения» КНР в Глобальном Юге, то Инициатива глобального развития – это ещё и дипломатический и пропагандистский инструмент для сплочения стран-партнёров в широкие и гибкие прокитайские коалиции и размывания западной доминанты в международных делах. Похоже, что с помощью ИГР Китай надеется возглавить новую эру в мировом развитии не только путём финансово-инвестиционных рычагов, но и встав во главе дискурса о целеполагании [Hoang Thi Ha].

Экономический смысл ИГР заключается в том, что, пока ИПП продвигает крупномасштабные и капиталоемкие инфраструктурные проекты, Инициатива по глобальному развитию, согласно информации, доступной на настоящий момент, ориентирована на такие области, как здравоохранение (COVID и вакцины), борьба с бедностью, продовольственная безопасность, изменение климата и «зелёное» развитие, финансирование развития, низкоуглеродная и цифровая экономика, индустриализация, производство, инновации и связь¹⁶.

¹⁴ Это и международный терроризм, во многом вскормленный бедностью «южных» стран и ненавистью к богатому эксплуататору «Северу», и усугубившаяся в последние годы проблема массовой миграции, чреватая обострением социально-политической обстановки во многих странах, и экологически враждебные способы хозяйствования, и недостаточная эффективность борьбы с эпидемическими заболеваниями, и низкое качество населения по индексу человеческого развития, и др.

¹⁵ См.: Global Development Initiative and Global Security Initiative – China's latest solutions to world peace, security and development. *Chinese Embassy in Seychelles*, Aug 5, 2022. URL: http://sc.china-embassy.gov.cn/eng/zxhd/202208/t20220805_10735867.htm (accessed: May 3, 2024).

¹⁶ Перечень проектов первого пакета ИГР см.: List of First-batch Projects of GDI Project Pool. *Foreign Ministry of the PRC*. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/zxxx_662805/202209/P020220921624707087888.pdf (accessed: May 3, 2024).

ИГР не связана с практикой гигантского финансирования и потому несёт меньше проблем, обусловленных невозвратом кредитов, предоставляемых Китаем странам-участницам ИПП¹⁷. При этом ИГР рассматривается Китаем как параллельное, вспомогательное направление «Пояса и пути».

Развивающиеся страны в Юго-Восточной Азии уже активно поддержали ИГР. Так, на форуме «Диалог высокого уровня по глобальному развитию», организованном Пекином в июне 2022 г., все 10 государств АСЕАН присоединились к Группе друзей ИГР в ООН, созданной вскоре после провозглашения Инициативы Си Цзиньпином на 76-й сессии ГА ООН 21 сентября 2021 г. Ассоциация, видимо, рассчитывает стать первым региональным бенефициаром ИГР и адресатом 14-ти из 50-ти (28 %) проектов её первого пакета [Hoang Thi Ha].

«Идеология» же ИГР заключается в том, чтобы укрепить имидж Китая как «ответственной крупной развивающейся страны»¹⁸, которая рассматривает сотрудничество в целях развития как «форму взаимной помощи между развивающимися странами в рамках кооперации Юг-Юг», а не как отношения «донор-получатель», свойственные диалогу «Север-Юг»¹⁹.

Как бы то ни было, китайская модель социально-экономического развития продолжает вызывать интерес у тех стран, где предыдущие социально-экономические образчики не смогли стимулировать ни само развитие, ни сделать его более устойчивым. Странам Глобального Юга китайская МСЭР импонирует тем, что она не подразумевает выполнения требований, предъявляемых такими институтами глобального управления, как МВФ и Всемирный банк. То есть, Китай не навязывает политических условий и социально-экономических шаблонов, однако не забывает о собственных выгодах и об имидже лидера развивающегося мира.

Примечательно, что КНР расширяет свою активность на Юге за счёт принципиально новых сфер. Так, в марте 2023 г. она стала успешным посредником в деле восстановления дипломатических отношений между жёсткими региональными соперниками – Саудовской Аравией и Ираном, что получило значительный международный резонанс. Благодаря успеху этой миссии китайская дипломатия «приросла» ещё одним направлением деятельности.

Однако не всё так гладко для Пекина. Новым вызовом стало доселе невиданное явление – борьба за лидерство в Глобальном Юге между Китаем и другим крупнейшим представителем РМ – Индией. Есть мнение, что Индия пытается занять место лидера путём исключения Китая из числа стран Юга²⁰ (о целесообразности чего уже лет 10 говорят на Севере (подробнее: [Lampton, Wallace, Conrad])).

¹⁷ Финансирование проектов ИГР возлагается на Китайское агентство по международному сотрудничеству в области развития (*China International Development Cooperation Agency, CIDCA*), предоставляющее помощь Китая в целях развития, или будет осуществляться за счёт вклада КНР в международные программы помощи.

¹⁸ Global Development Initiative: Philosophy, Principle, Path, and Progress. *Center for Strategic and International Studies (CSIS)*, Jun 20, 2022. URL: <https://interpret.csis.org/translations/global-development-initiative-philosophy-principle-path-and-progress/> (accessed: May 3, 2024).

¹⁹ The State Council of the People's Republic of China. *The 2021 White Paper on China's International Development Cooperation in the New Era*, Jan 10, 2021. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202101/10/content_WS5ffa6bbbc6d0f72576943922.htm (accessed: May 3, 2024).

²⁰ China's position within Global South cannot be replaced: expert. *The Global Times*, Dec 11, 2023. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202312/1304188.shtml> (accessed: May 3, 2024).

Ш. Менон, бывший советник правительства Индии по национальной безопасности, полагает, что сейчас – самый подходящий момент для Индии взять на себя ведущую роль в решении проблем развития. Причины этому таковы:

1. Китай переживает не лучшие времена в отношениях с развивающимися странами, поскольку его кредитно-инвестиционная политика ведёт к усугублению долговых проблем Юга.

2. Запад завяз в конфликте на Украине и не способен играть конструктивную роль на «южном» направлении.

3. Индия всегда была убеждённым критиком мегапроекта ИПП, и сейчас, когда Инициатива «теряет обороты», у Нью-Дели повышаются шансы преуспеть в дипломатическом контрнаступлении против Пекина и переключить на себя внимание Глобального Юга (приводится по: [Hirouyuki]).

С точки зрения возможностей и объёмов экономического потенциала, очевидно, что преимущество в борьбе за лидерство сохраняет Китай. Тем не менее, Индия уповает на своё «квалифицированное преимущество» благодаря следующим обстоятельствам.

Во-первых, именно Индия может координировать действия с Западом/Севером, причём от имени развивающихся стран, поскольку она – неоспоримый и уважаемый член Глобального Юга и при этом – партнёр Севера. (Похоже, Индия надеется опередить Китай по «южному» политическому треку благодаря её меньшей антизападной конфликтности).

Индия, Япония, США и Австралия объединены Четырёхсторонним диалогом по безопасности (*Quadrilateral Security Dialogue, QSD*), и у Индии вполне благоприятные отношения с ЕС. Китай же вовлечён в «квазихолодную войну» с США, что нейтрализует его эффективность как «моста» между Западом/Севером и Югом.

Во-вторых, между Китаем и некоторыми развивающимися странами существуют проблемы не только экономического свойства (задолженность, торможение проектов ИПП, аритмичность китайского кредитования и др.), но и территориальные споры (принадлежность ряда островов в Южно-Китайском море) [Hirouyuki], которые в принципе относятся к особо чувствительной проблематике государственной суверенности.

Хотя Индии и не удастся потеснить Китай с роли «кормчего» развивающегося мира, по крайней мере, в среднесрочной перспективе, однако эта конкуренция способна «потрепать нервы» китайским внешнеполитическим инстанциям и отвлечь их ресурсы на изучение новой ситуации. К тому же, Индия не стоит на месте: страна переживает приток инвестиций западных компаний, которые перебрасывают свои инвестиции из Китая в Индию, чтобы «защититься от геополитического риска» со стороны КНР [Rampini].

Само зарождение нового вектора китайско-индийского соперничества свидетельствует о бурной внутренней динамике Глобального Юга, на которую Китай тоже будет вынужден реагировать.

Ещё один вызов для Пекина обусловлен тем, что рост роли Китая в Глобальном Юге вынуждает США реконструировать свой курс относительно РМ. И это ставит перед Пекином задачу особо вдумчивой модификации собственного курса на Юге с более внимательным учётом подвижного американского фактора. В итоге Пекин и Вашингтон, вероятно, выйдут на новый виток регионально-глобального соперничества, спрогнозировать ход и результаты которого будет непросто. Так или иначе, созреет ещё одно направление китайско-американского противостояния.

Вместо заключения

Суммируя вышесказанное, целесообразно отметить следующее.

Во-первых, деление мира на «Юг» и «Север» – это не хлесткий риторический архаизм. Автор полагает, что указанные дефиниции отражали и отражают не только реалии времён, их рождавших, но и претерпевают внутреннюю трансформацию, становясь не «вывеской», а характеристикой обозначаемого ими явления.

«Координатная» теория (оперирующая понятиями «Север-Юг», «Запад-Восток») не уходит в запасники мировой политологии, а актуализируется, ибо дихотомия «Юг» и «Север» по-прежнему отражает существующее противостояние, обусловленное разницей между уровнем влияния и благосостояния «золотого миллиарда» и политико-экономическим статусом большинства человечества.

Во-вторых, хотя КНР и отрицает идеологическую компоненту в её отношениях с Глобальным Югом, «напугавшую» «третий мир» во времена «хунвэйбиновской дипломатии» 1960–1970-х гг.²¹, однако общее неприятие внешнего давления и поиск модели развития, альтернативной западной, может, на наш взгляд, свидетельствовать об углубляющейся идеологической близости между этими мировыми акторами.

В-третьих, благодаря росту мирового значения Юга, в который Китай вольно или невольно вносит свой политико-экономический вклад, всё большее число развивающихся стран ощущает не просто желательность, но уже и возможность перестройки прозападного мирового порядка, базирующегося на Бреттон-Вудских принципах.

В-четвёртых, феномен разнородности и многоуровневости Глобального Юга, являясь вызовом для китайской дипломатии, всё же благодетелен для оттачивания её мастерства. На пути к достижению глобального политико-экономического лидерства Китаю необходима поддержка как можно большего числа развивающихся стран. Поэтому он проводит «апгрейд» отношений с Югом от простого экономического диалога и «ритуальных» дипломатических связей до уровня стратегического взаимодействия и партнёрства. На этом пути задействуются материальные стимулы и торговые преференции, а главное – инициативы геополитического характера, включая выдвижение Пекином новых интеграционных концепций.

Создаётся впечатление, что КНР, исходя из обновлённого представления о Глобальном Юге, творчески переосмысливает тезис об «окружении мирового города мировой деревней», но на более высоком уровне диалектической спирали. Это в свою очередь актуализирует китайскую идею о необходимости единого «фронта» «южных» стран против деструктивной политики Севера и подтверждает мысль об исторической преемственности внешнеполитического курса Китая.

Задаваясь вопросом, происходит ли зарождение принципиально нового формата отношений Китая и обновляемого Глобального Юга, можно отметить следующее. В целом этот диалог движется по пути лучшей эргономичности, но согласно уже испытанным

²¹ «Хунвэйбиновская дипломатия» времён «культурной революции» в КНР (1966–1976) – внешнеполитическая линия, которая была квалифицирована в мировой политологии, а позже и самим китайским руководством как «экспорт революции». Здесь имеется в виду моральная и материальная поддержка промаоистских повстанческих группировок в Азии, Африке и Латинской Америке. Она характеризовалась отказом от учёта внутренних особенностей стран-партнёров, не готовых к «революционным» преобразованиям, а также игнорированием норм международного права и дипломатического этикета.

принципам. Обе стороны если не довольны, то приспособились к генеральному тренду их взаимодействия. Китай нужен Югу как источник инвестиций, иных видов финансирования и даже как пример развития. Через китайские геоэкономические инициативы развивающиеся страны получают беспрецедентный опыт участия в масштабных интеграционных проектах.

В свою очередь Китай нуждается в Юге как круге поддержки, источнике ресурсов, объекте влияния, аргументе в диалоге с Западом и «отправном пункте» для достижения мирового лидерства. В Глобальном Юге Китай может теперь исполнять и ценные роли переговорщика-медиатора и заступника-глашатая интересов развивающегося мира.

Но некоторые изменения имеют место: так, в китайских политических и академических документах заметна новая нюансировка в анализе феномена Глобального Юга в сторону его большей проработанности и широты охвата. В свете этой тенденции думается, что будет откорректирована и практика Китая в том плане, что он станет более оперативно реагировать на сложности в диалоге с Югом, в частности по линии ИПП, долговой проблемы, конкуренции на формирующихся рынках, поведения китайских компаний и работодателей в принимающих странах и пр. Несомненно, КНР предпримет новые шаги по вовлечению Юга в коллективные структуры сотрудничества, ибо Юг, будучи усиливающимся партнёром, нуждается в пристальном внимании, да и в контроле.

* * *

Итак, Китай накапливает опыт сотрудничества с развивающимся «сегментом» планеты, довольно удачно используя дуализм своего статуса как «ответственной мировой державы», второго по мощи мирового экономического лидера с одной стороны и развивающейся страны – с другой. КНР готова к дальнейшему подъёму Юга, при этом не ожидая событий, способных подвергнуть риску её партнёрство с ним. Среднесрочный прогноз отношений «Китай – Глобальный Юг» вполне благоприятен в немалой мере благодаря «синдрому общего врага».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Сафронова Е.И.* К вопросу о роли преемственности и традиций в построении современного политико-экономического курса КНР относительно развивающихся стран // Новые акценты и тенденции во внешней политике Китая. Информ. бюллетень. Москва: ИДВ РАН, 1994. С. 87–104.
- Сафронова Е.И.* Россия, Китай и «третий мир» на рубеже веков: возможно ли «второе дыхание» отношений? // Российско-китайские отношения. Состояние, перспективы. Москва: ИДВ РАН, 2005. С. 204–228.
- Яковлев П.П.* Глобальный Юг: концептуальные подходы и социально-экономические процессы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 2. С. 6–27. DOI 10.23932/2542-0240-2021-14-2-1

REFERENCES

- Safronova, E.I. (1994). K voprosu o roli preyemstvennosti i traditsiy v postroyenii sovremennogo politiko-ekonomicheskogo kursa KNR otnositel'no razvivayushchihsy stran [On the role of continuity and traditions in building the modern political and economic course of the People's Republic of China in

relation to developing countries]. *Novyye aktsenty i tendentsii vo vneshney politike Kitaya. Inform. byulleten'* [New accents and trends in China's foreign policy. Inform. Bulletin]. Moscow: IFES RAS: 87–104. (In Russian).

Safronova, E.I. (2005). Rossiya, Kitay i «tretiy mir» na rubezhe vekov: vozmozhno li «vtoroye dykhaniye» otnosheniy? [Russia, China and the "third world" at the turn of the century: is a "second wind" of relations possible?]. *Rossiysko-kitayskiye otnosheniya. Sostoyaniye, perspektivy* [Russian-Chinese relations. State, prospects]. Moscow: IFES RAS: 204–228. (In Russian).

Yakovlev, P.P. (2001). Global'nyy Yug: kontseptual'nyye podhody i sotsial'no-ekonomicheskiye protsessy [The Global South: conceptual approaches and socio-economic processes]. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo* [Contours of global transformations: politics, economics, law], Vol. 14: 2: 6–27. DOI 10.23932/2542-0240-2021-14-2-1. (In Russian).

* * *

Carvalho, G. (2023). Global South: The “Rest” vs the West? *Italian Institute for International Political Studies (ISPI)*, Dec 21. URL: <https://www.ispionline.it/en/publication/global-south-the-rest-vs-the-west-157988> (accessed: May 3, 2024).

Chen Peijie (2023). Brasil e China: um horizonte promissor para o Sul Global. *Opinio Poder360*, Aug 15. URL: <https://www.poder360.com.br/opinio/brasil-e-china-um-horizonte-promissor-para-o-sul-global> (accessed: May 3, 2024).

Escobar, Pepe (2022). 'Peaceful modernization': China's offering to the Global South. *The Cradle Analysis*, Oct 20. URL: <https://thecradle.co/articles/peaceful-modernization-chinas-offering-to-the-global-south> (accessed: May 3, 2024).

Fasulo, F.; Morselli, P. (2022). Is Xi's Counter-Diplomacy Working? *Italian Institute for International Political Studies (ISPI)*, Dec 28. URL: <https://www.ispionline.it/en/publication/xis-counter-diplomacy-working-37146> (accessed: May 3, 2024).

Heine, J. (2023). The Global South is on the rise – but what exactly is the Global South? *The Conversation*, Jul 3. URL: <https://theconversation.com/the-global-south-is-on-the-rise-but-what-exactly-is-the-global-south-207959> (accessed: May 3, 2024).

Hiroyuki, Akita (2023). China and India battle for leadership of Global South. *Nikkei.com*, April 1. URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Comment/China-and-India-battle-for-leadership-of-Global-South>. (accessed: May 3, 2024).

Hoang Thi Ha (2023). Why Is China's Global Development Initiative Well Received in Southeast Asia? *Yusuf Ishak Institute (ISEAS)*. URL: <https://www.iseas.edu.sg/articles-commentaries/iseas-perspective/2023-9-why-is-chinas-global-development-initiative-well-received-in-southeast-asia-by-hoang-thi-ha/> (accessed: May 3, 2024).

Lampton, David M.; Wallace, Jeremy; Conrad, Björn (2017). Is China A Developed Country? *Center for Strategic and International Studies*. URL: <http://chinapower.csis.org/is-china-a-developed-country> (accessed: May 3, 2024).

Olander, Eric (2023). China, Latin America, and the Rise of a New Non-Aligned Movement. *The China-Global South Project (CGSP)*, Feb 16. URL: <https://chinaglobalsouth.com/podcasts/china-latin-america-and-the-rise-of-a-new-non-aligned-movement> (accessed: May 3, 2024).

Rampini, Federico (2024). Russia and China: aligning with the Global South? *Aspen Institute*, Feb 4. URL: <https://aspensiaonline.it/russia-and-china-aligning-with-the-global-south> (accessed: May 3, 2024).

Поступила в редакцию: 15.06.2024

Принята к публикации: 10.07.2024

Received: Jun 15, 2024

Accepted: Jul 10, 2024